

**«САМОЕ ГЛАВНОЕ – РАБОТАТЬ, НЕ ТЕРЯЯ ВЕРЫ В ТО,
ЧТО ТВОЁ ДЕЛО НУЖНО И ЧТО КРОМЕ ТЕБЯ
НИКТО ДРУГОЙ ЕГО НЕ СДЕЛАЕТ...»**
(В. Г. Утков – А. Э. Лейферу)

Виктора Григорьевича Уткова (1912–1988) я считаю своим учителем – в самом высоком смысле этого слова.

Должно быть, это покажется странным: мы были знакомы семнадцать лет, а виделись только пять или шесть раз. Да и то как-то мельком, на ходу, в спешке: в вестибюле «Союзкниги», где он работал; в «пончиковой» на ВДНХ (рядом, в одном из павильонов, открывалась в тот день Международная книжная выставка, к которой он имел непосредственное отношение); в Омском пединституте – во время Первых и Вторых Мартыновских чтений*; наконец, в последний раз – во дворе одного из домов на ревущей в часы пик Ленинградской площади Омска: за несколько часов до нашей встречи из этого дома проводили в последний путь его младшего брата...

Только всего одна наша встреча, самая первая, была неспешной. Не без труда разыскал я дом на 16-й Парковой. Добирался до него от метро, как это часто бывает у провинциалов, главным образом пешком, расспрашивая редких прохожих, попал под дождь, запыхавшись, нажал кнопку звонка, представился открывшему дверь невысокому человеку.

– Вот вы какой... Проходите...

* На I Мартыновских чтениях (18–20 мая 1983 г.) В. Г. Утков выступил на пленарном заседании с докладом «Поэмы Л. Мартынова. Минувшее и современность», был сопредседателем на 2-й секции, участвовал в вечере воспоминаний, посвящённых Мартынову (20 мая, Омский литературный музей им. Ф. М. Достоевского). На II чтениях (14–17 мая 1985 г.) Утковым на пленарном заседании был представлен доклад «Л. Н. Мартынов. Военные годы. По документальным и архивным материалам». Кроме того, он был одним из сопредседателей секции «Поэмы Л. Мартынова». – *Примеч. ред.*

Я не видел всей квартиры. Раздев меня, мокрого, он сразу же провёл в небольшой кабинет, сам вскоре принёс поднос с дымящимся чаем и кое-чем покрепче. Все стены кабинета были заняты книгами. Библиотека, сразу видно, рабочая, без модных собраний сочинений. Ряды книг на полках, особенно возле письменного стола, были как бы взъерошены. Это справочники, ими то и дело пользуются.

И начался долгий, затянувшийся допоздна разговор. Сейчас я понимаю, что это был не просто разговор, а импровизированный полудопрос-полуурок. Меня как бы проверяли со всех сторон. А проверяя, советовали. Я частенько хватался за карандаш и записывал – то фамилию и адрес человека, то название книги или статьи.

Было это осенью 1972 года. А познакомил нас в самом начале предыдущего года старый друг Виктора Григорьевича – известнейший омский журналист, краевед Сергей Иванович Веремей. Познакомил заочно, по почте.

Дело в том, что к тому времени я всерьёз увлёкся П. Л. Дравертом, решив написать о нём книгу. Работал я тогда в отделе культуры «Омской правды», а моим соседом по редакционному кабинету как раз и был ветеран омской печати С. И. Веремей, опекавший в газете нештатный отдел спорта. Копнув «дравертовского» материала – поработав в Омском госархиве, в фондах краеведческого музея, в личной библиотеке Драверта, отдельно хранящейся в нашей Пушкинке, повстречавшись с некоторыми из знавших Драверта омичами, прочитав о нём всё, что было можно, – я решил по-своему отметить 25-летие со дня смерти поэта-учёного. Напечатал в омских газетах две статьи – «Удивительная библиотека» («Омская правда», 22 декабря 1970 года) и «Судьба одного архива» («Молодой сибиряк», 8 декабря 1970 года). В первой как бы в постскрипуме рассказа о личной библиотеке П. Л. Драверта говорилось о том, что могила его на Восточном кладбище находится в запущенном состоянии. Во второй статье шла речь об архиве Драверта в краеведческом музее. Это сейчас архив тщательно описан, изучается, а тогда представлял из себя неоформленную грудку бумаг, о чём я, ничтоже сумняшеся, и поведал читателям. Думая помочь делу. Но если власти Куйбышевского района критику восприняли спокойно и пообещали летом привести могилу в порядок, то реакция тогдашнего руководства музея была реакцией людей, из чьей избы вынесли сор. Был злой звонок, после которого я

понял, что в обозримом будущем дорогу в музей, к его материалам, мне следует забыть.

– Ты не огорчайся, – сказал мне тогда Сергей Иванович, – продолжай работать. И вот что, напиши-ка Уткову, Виктору. Читал ведь его очерк о Петре Людовиковиче?

Очерк «Мои встречи с П. Л. Дравертом» в вышедшем незадолго до этого сборнике В. Уткова «Люди, судьбы, события» я, разумеется, читал (до сих пор, кстати, считаю его лучшим из всех мемуарных материалов о Драверте – так проблемно на эту тему не писал никто, именно проблемно: подчёркивается важность наследия учёного и поэта для сегодняшнего дня), но о том, чтобы установить связь с неизвестным писателем, как-то не думал.

– Напиши, напиши, – говорил тогда Веремей, – сошлись на меня. А эти статьи приложи.

Немало хорошего сделал для меня Сергей Иванович за долгие годы нашего знакомства. Но, без всякого сомнения, больше всего благодарен я ему за это. За знакомство с Утковым.

В Москву я написал. Ответ пришёл сразу же:

«17 января 1971 г.

Уважаемый А. Э.!

Вчера с вечерней почтой пришло и Ваше письмо. Меня оно порадовало. Ваша заинтересованность в Драверте и судьбе его наследия мне близка и понятна. Статьи, которые Вы приложили к письму, произвели на меня хорошее впечатление...».

Так завязалась эта почти семнадцатилетняя переписка. То и дело я вынимал из почтового ящика необычные белые конверты с красивыми марками. Отстуканные на машинке письма были то лаконичными (на четвертушке бумаги), то обширными, по несколько страниц. И все эти годы я знал: у меня есть понимающий мои устремления, доброжелательный, компетентный наставник, заинтересованный союзник во всех литературных делах.

Впервые я собрал эти письма тем горьким февральским днём 1988-го, когда позвонили и сказали: «Умер Виктор Григорьевич». Писем оказалось больше ста. Начал раскладывать их по хронологии и внутренне вздрогнул, наткнувшись на письмо от 8 февраля 1977 года – письмо об И. С. Коровкине, недавно скончавшемся омском фольклористе и краеведе:

«Печальную весть я получил от Вас вчера поздно вечером. Так жаль Ивана Семёновича!.. Только сейчас просмотрел я его письма ко мне с 40-х годов, и он заново встал в памяти. И, как всегда, – горькое сожаление: как мало было сделано для него, как много упущено было... Страшная вещь – житейская текучка!..».

Значит, и Виктор Григорьевич, получая очередное известие о смерти друга, делал то же, что я делаю сейчас: перечитывал старые письма. Какой неотвратимый обычай...

* * *

Несмотря на то что письма Уткова носят, как уже говорилось, характер деловой и конкретный, личность Виктора Григорьевича проявляется в них достаточно интересно – отдельным штрихом или какой-нибудь постоянно повторяющейся мыслью, коротко высказанным мнением, характером того или иного совета.

В конце 1972-го вышла книга Уткова «Гражданин Тобольска» (о жизни и творчестве П. П. Ершова, автора сказки «Конёк-Горбунок»). Вскоре я написал на неё рецензию и по наивности, как бы желая «подстраховаться», послал её текст Уткову – на предварительный, так сказать, просмотр. И получил мягкий, но на всю жизнь запомнившийся урок литературной нравственности:

«За доброе отношение ко мне, выраженное в рецензии на “Гражданина Тобольска”, – спасибо. Вы зря посылали мне копию с просьбой высказать своё мнение. Познакомился с рецензией я, конечно, с удовольствием, но делать какие-либо замечания или советы по ней не могу, поймите, что это просто неудобно... Рецензию возвращаю и ещё раз говорю Вам за неё – спасибо».

Или в другом ключе, хотя, в общем-то, на эту же тему.

Приближалось его 75-летие. Я, помню, загодя спросил Виктора Григорьевича – не собирается ли он в Омск: можно было бы записать юбилейную беседу для телевидения.

«В Омск пока не собираюсь, – отвечал он. – Что же касается моего 75-летия, то к датам своим совершенно равнодушен. Сделано так мало... Надо работать, а не думать о юбилейных датах».

С явным одобрением сообщалось и о том, как отметил своё 75-летие его лучший друг – Леонид Мартынов:

«Юбилей его мы отпраздновали очень скромно: были только самые близкие люди – семь человек. Никаких торжественных заседаний не устраивали».

Что же касается того, что «надо больше работать», то вряд ли можно было делать больше, чем делал он сам: «...После рабочего дня + два часа дороги я должен работать дома и не делаю себе в этом никаких поблажек»; «Не ответил на Ваше последнее письмо: был занят сдачей книги и работал на Международной книжной выставке-ярмарке»; «Извините за задержку, – был занят срочной работой по вёрстке воспоминаний М. В. Сабашникова».

В 1975-м, вернувшись с Мартыновских чтений, вновь задерживает ответ:

«После отъезда из Омска был очень связан с делами, накопившимися во время отсутствия. Потом была поездка в Ленинград, тоже по литературным делам, очень напряжённая. Десять дней. Затем опять завершение разных текущих дел, работа над книгой, статьями... Словом, времени не хватает».

Командировок, кстати, у него (учитывая возраст Уткова) было поразительно много: «Был в командировке в Киеве и поэтому отвечаю с опозданием»; «Сегодня уезжаю на неделю в Молдавию. Командировка»; «Получил Ваше письмо, вернувшись из Средней Азии. Сегодня уезжаю на Украину».

Ульяновск. Алма-Ата. Орёл. Минск. Львов. Кострома. Иваново...

* * *

Есть в одном из писем Уткова мысль, на мой взгляд, очень важная, может быть, в какой-то мере спасительная:

«Ваши беды – пустяки. Не придавайте им особенного значения. Конечно, неприятно, но что ж поделаешь: на пути наших кораблей столько подводных рифов и мелей, что никакая искусная лоция не спасёт от них... Самое главное – работать, не теряя веры в то, что твоё дело нужно и что кроме тебя никто другой его не сделает».

Действительно, иной раз, когда сидишь за рабочим столом в спящей квартире и, зная, что на свете уже написаны миллионы книг, за чем-то пишешь ещё одну, – может быть, только это убеждение (кроме тебя – никто другой) и спасает от соблазна плюнуть на всё. Плюнуть, лечь спать, а наутро заняться разведением цветов, коллекционированием марок, рыбной ловлей или любым другим приятным делом, для которого не нужно не спать по ночам, а потом получать вознаграждения, похожие скорее на моральные, чем на материальные. Не знаю, как у кого, у меня так. У меня всегда в голове это письмо Виктора Григорьевича, которое получил ещё в начале 1973 года.

В одном из самых первых писем была просьба – присылать вырезки из омских газет на исторические и историко-литературные темы. Так, сам, должно быть того не зная, Утков научил меня этому совершенно необходимому для каждого пишущего человека занятию: я начал делать вырезки в двух экземплярах – и для него, и для себя, стал раскладывать свои экземпляры по папкам, по темам, пользоваться этим досье в работе. И сейчас, вырезая очередной газетный материал, каждый раз с грустью думаю: второго экземпляра уже не нужно...

Его, сразу после войны ставшего москвичом, до конца жизни активнейшим образом интересовал Омск, причём в планах самых разнообразных:

«Большое Вам спасибо за все газетные вырезки. Они очень интересны и говорят о том, что литературная жизнь Омска, в которой я раньше принимал активное участие, не затухает, а развивается, становится всё интереснее. Это отраднo. Буду Вам только благодарен, если и в дальнейшем Вы будете держать меня в курсе её».

«...Как отметили юбилей Достоевского?»

«Может быть, кто-либо из омичей ещё станет участником альманаха?» (Речь идёт об «Альманахе библиофила», который начал выходить с 1973 года в московском издательстве «Книга».)

«Меня беспокоит судьба музейной библиотеки. Что-либо изменилось? <...> Напишите мне подробней, вероятно, надо выступить в печати ещё раз, если ничего не сделано. Знакомы ли Вы с Ниной Митрофановной Столповской? Если

знакомы, – попросите её написать мне письмо о положении библиотеки».

«Как идёт подготовка к юбилею П. Л. Драверта? Что удалось протолкнуть? Напишите».

«Существует ли план выпуска Омского издательства? Кто директор? Думаете ли продолжить издание “Омского альманаха”, журнала “Омская область”? Имейте в виду, что для Вас и Ваших друзей-литераторов эти издания станут хорошим подспорьем в работе».

«Хочу поздравить Вас с тов. Макаровым – мне сообщили об открытии Литературного музея в Омске. Наконец-то. Я помню, ещё до войны мы хлопотали об этом, имея в виду устроить Литературный музей в доме Антона Сорокина на ул. Красных Зорь (или на Лермонтовской? – запомятовал). Война помешала».

Это из письма от 17 сентября 1981 года. Литмузей был открыт позже. Уткову сообщили, видимо, о выставке из фондов будущего Литературного музея, которую мы делали летом того года. Тогдашний директор Омского государственного объединённого исторического и литературного музея Юрий Анатольевич Макаров упомянут здесь вот почему. Когда мы были с ним в командировке в Москве (я работал тогда в музее и занимался как раз делами организации его филиала – нынешнего Литературного музея им. Ф. М. Достоевского), к нам в гостиницу пришёл по нашей, разумеется, просьбе Виктор Григорьевич. Весь вечер длился целенаправленный разговор, в результате которого мы узнали немало нужного для будущего Литмузея: факты, имена, даты событий, адреса дальнейшего поиска.

И, конечно, его интересовали люди, омичи. Постоянно в письмах приветы – С. И. Веремею, архивисту Е. Н. Евсееву, другим общим знакомым...

...Дай Бог каждому, вступающему в литературную (да и в любую другую) работу, чтобы в начале пути встретился ему такой Учитель.

* * *

Виктор Григорьевич жил в Омске с 1920-го по 1941 год, затем ушёл добровольцем на фронт. Работал слесарем на Сибзаводе, библиотекарем, техником-полеводом опытной сельхозстанции, сотрудни-

ком газеты «Ленинские внучата», заведующим литературной частью драмтеатра. В Омске состоялись его первые публикации в местной печати (в «Омской правде» за 6 февраля 1937 года размышления о колхозной частушке, в первой книге «Омского альманаха» за 1939 год рассказ «Анисья»), вышли первые книги – «Чудесная пшеница» (1939), «Сказочник П. П. Ершов» (1950). В. Г. Утков был активным участником и организатором литературной жизни довоенного Омска – членом редколлегии «Омского альманаха», ответственным секретарём областного объединения писателей и журналистов. После войны, демобилизовавшись в 1945 году, обосновался в Москве.

